

## СССР И США В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РОЛЬ ЛИЧНЫХ КОНТАКТОВ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В статье рассказывается о человеческой стороне взаимоотношений стран «большой тройки» – СССР, США и Великобритании в 1941–1945 гг. Архивные документы, открытые за последние 15–20 лет, дают возможность по-новому осветить личные контакты между представителями союзников на разных уровнях – между руководителями стран, дипломатическими представителями, военными, промышленниками, политиками, совершавшими поездки в СССР, а также деятельность Правительственной закупочной комиссии СССР в США.

*Ключевые слова:* «большая тройка», личные контакты, второй фронт, ленд-лиз.

Вторая мировая война явилась невиданным по масштабам, ожесточенности и потерям столкновением двух коалиций стран. Агрессивному блоку стран «оси», который стремился к завоеванию мирового господства, противостояла очень неоднородная и противоречивая коалиция стран так называемого «Большого союза», в состав которой в силу исторической обстановки вошли бывшие непримиримые противники. Решающий вклад в победу над агрессорами внесли страны «большой тройки» – СССР, США, Великобритания, а также Китай, который понес многомиллионные потери в этой войне.

Личные отношения между руководителями трех стран играли особую роль в ходе войны. Отраженные в переписке, записях бесед и решениях совместных конференций они дали новый уникальный опыт решения военно-стратегических, оперативных и общеполитических проблем. Насколько бы напряженными или даже враждебными ни были отношения между И.В. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом до нападения Германии на СССР 22 июня 1941 г.

и какими бы существенными ни являлись их расхождения по проблемам второго фронта, ленд-лиза, послевоенного устройства Европы и мира, они смогли хотя бы на время совместной борьбы против фашистской коалиции преодолеть разногласия и одержать общую Победу.

Заниматься изучением данной темы стало возможным в результате «архивной революции», связанной с открытием отечественных и зарубежных архивов после окончания холодной войны. К числу ключевых документальных коллекций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) следует отнести личные фонды И.В. Сталина, В.М. Молотова, А.И. Микояна, фонд ЦК партии – документы Управления пропаганды и агитации ЦК (материалы о пропагандистской работе с представителями союзников, проводившейся на территории СССР и за рубежом, материалы обследований положения иностранных моряков и военнослужащих в северных городах России).

В Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) необходимо выделить фонды В.М. Молотова, М.М. Литвинова, И.М. Майского и ряда других руководителей советского дипломатического фронта.

Хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) фонд НКВД содержит донесения с мест о криминогенной обстановке, настроениях иностранных моряков, находившихся в Мурманске, Архангельске, Молотовске, их контактах с советскими людьми.

Особую ценность для изучения взаимоотношений СССР и США в ходе осуществления программы ленд-лиза имеет недавно рассекреченная уникальная коллекция документов Правительственной закупочной комиссии (ПЗК) СССР в США (фонд Наркомата внешней торговли СССР), хранящаяся в Российском государственном архиве экономики.

После окончания холодной войны были в массовом порядке рассекречены документальные коллекции из американских архивов. Это дает возможность использовать при исследовании темы личного общения между русскими, американцами и британцами в 1941–1945 гг. следующие документы с американской стороны: коллекции Объединенного комитета начальников штабов, Администрации ленд-лиза, Департамента военного производства и других ведомств США, хранящиеся в Национальном архиве в Вашингтоне.

Немалую роль в формировании в странах «большой тройки» новой формулы сотрудничества в чрезвычайных условиях войны сыграли личные контакты между представителями союзников на

разных уровнях. Формами контактов явились: повседневное взаимодействие военных, дипломатических представителей; визиты промышленников, журналистов, деятелей культуры, посещавших СССР в годы войны; контакты между рядовыми советскими людьми, американцами и англичанами.

География контактов была также довольно обширна. На территории СССР к числу основных районов контактов относились: дипломатические центры – Москва, Куйбышев, Владивосток; порты прибытия союзных конвоев – Архангельск, Мурманск, Владивосток; авиабаза в Полтаве, где базировались американские самолеты; Советский Дальний Восток (аэродромы авиатрассы Аляска – Сибирь и места вынужденных посадок американских самолетов); места посещений делегаций союзников в советском тылу и на фронте (Урал, Сталинград, Кавказ, Ленинград). На территории Ирана зонами контактов являлись места прохождения маршрута ленд-лиза.

На территории США – районы совместной деятельности ПЗК СССР в США и американских органов (Администрации ленд-лиза, Управления военного производства и др.): г. Вашингтон, порты Западного и Восточного побережья, авиабазы на Аляске, предприятия, где работали советские уполномоченные.

Формирование хоть и временного военного союза между государствами с разными общественными системами проходило очень трудно. В самый тяжелый период Великой Отечественной войны, в конце 1941 и в 1942 г., союзники по антигитлеровской коалиции терпели серьезные поражения от стран Оси на различных фронтах – в Азии, Северной Африке, в СССР на южном направлении.

Даже после блестящей победы Красной армии под Москвой противники СССР в США продолжали развивать мысль, что в дальнейшем Советский Союз может не выдержать натиска немцев. После нападения Японии на США возобновились дискуссии о сокращении военной помощи СССР и даже Англии и сосредоточении всех военных ресурсов для обеспечения нужд американских вооруженных сил. В 1942 г. развернулась интенсивная борьба в политических, военных кругах, в общественном мнении и средствах массовой информации по вопросу о необходимости помощи СССР. Обзоры союзнической прессы по этому вопросу проводились сотрудниками ПЗК СССР в США. Обратимся к подборкам статей из американской прессы и аналитическому обзору «США и СССР в течение Второй мировой войны», сделанным сотрудником ПЗК К.И. Лукашевым, что позволит нам определить основные спорные вопросы. К числу аргументов противников оказания помощи СССР относились, например, следующие: «СССР продолжает под-

держивать нормальные отношения с Японией» и не может считаться «надежным союзником» США, «нельзя быть уверенным, что в случае успешного наступления Германии весной сего года СССР не заключит сепаратного мира с Германией»<sup>1</sup>. Однако уже к концу февраля 1942 г. во многом благодаря твердой позиции президента Ф. Рузвельта в пользу поддержки СССР был достигнут консенсус в вопросе о необходимости продолжения помощи. К примеру, в передовой статье от 23 февраля 1942 г. даже такой консервативной газеты, как «Уорлд Телеграм», говорилось: «В эти мрачные времена мы каждый день обращаемся к сообщениям из России для получения более яркой перспективы и бодрости. Русские дают миру неоценимое доказательство, что Гитлер не непобедим. Они показывают военную силу и искусство первого разряда. Они хорошо заслужили те денежные средства и все то военное оборудование, которое мы, США, можем им послать. Мы должны только ценить и выражать восторг по отношению к ним как к нашим военным союзникам»<sup>2</sup>.

Еще более высоко в США оценили историческую миссию СССР по спасению человечества к концу критического 1942 г. Сенатор Д. Моррей восторженно писал в статье от 7 ноября 1942 г. «Четверть столетия прогресса»: «Мир теперь убедился, что отчаянная борьба России против зловещих сил Германии спасла демократический мир от неизбежного уничтожения... “Если бы не миллионы павших русских героев, – заявил на днях заместитель судьи Верховного суда Соединенных Штатов Ю. Блэк на собрании в Норд Каролайне, – свист падающих бомб был бы нам так же знаком, как жителям Лондона”»<sup>3</sup>.

Самых острым пунктом разногласий между союзниками в 1942 г. (как и в следующем 1943 г.) являлся, безусловно, вопрос об открытии второго фронта в Европе. Особой остроты обсуждение этого вопроса в средствах массовой информации союзников достигло после известного визита лидера республиканской партии У. Уилки в СССР и Китай в сентябре 1942 г.<sup>4</sup> В тот период после летних поражений на южном направлении советско-германского фронта было тяжелое положение, шло интенсивное наступление немцев на Сталинград и Кавказ, и в некоторых неофициальных выступлениях советских дипломатов проскальзывали намеки, что Сталинград может не устоять. В отличие от многих посещавших СССР представителей союзников Уилки скептически относился к сотрудничеству с СССР, но поездка заставила его поменять свое мнение и стать «другом Советского Союза». В ходе визита события, связанные с героической обороной Сталинграда, неоднократно

но затрагивались в беседах Уилки с советскими представителями. В негативном духе отзывался об американце работавший тогда на «дипломатическом фронте» в Куйбышеве А. Вышинский: «Между прочим, Уилки спросил: “Как вы думаете, куда двинутся немцы после взятия Сталинграда – на юг или на север?” Я ответил: “Я об этом вовсе не думаю. Я хочу думать, что они не возьмут Сталинграда и никуда не смогут двинуться”. Уилки сделал вид, что ему этот ответ понравился»<sup>5</sup>.

Более реалистичную позицию высказал сам И.В. Сталин, который заявил, что немцы «могут взять Сталинград». По словам Уилки, Сталин «не делал никаких прогнозов насчет способности России выстоять и со всей определенностью говорил о том, что ни любовь к Родине, ни храбрость солдат сами по себе не могут спасти Отечества, ибо исход сражений определялся числом, умением и техникой»<sup>6</sup>.

После возвращения из СССР в массовых публичных выступлениях Уилки утверждал, что «США еще не заявили свою определенную программу целей в этой мировой войне»<sup>7</sup>, и настаивал на открытии второго фронта. Этот визит был одной из первых серьезных попыток наладить в том числе личные контакты с представителями стран, которые несли наибольшие человеческие и материальные потери в войне. Любой визит, любое личное впечатление от поездки в СССР в военное время, как правило, вызывало подъем желания помочь СССР и очередную волну пропаганды в странах-союзниках в пользу более активного участия в войне.

Американцы, как и англичане, несли свою долю вины за «перекалывание» основной тяжести войны на плечи СССР – начиная от производителей свиной тушенки, которые в разгар тяжелейших боев за Сталинград «придерживали» мясные консервы, предназначенные для поставок на советско-германский фронт, дожидаясь более выгодной цены (зимой 1942/43 г. имели место недопоставки обещанных мясных консервов по ленд-лизу для Красной армии), и заканчивая военачальниками, многие из которых проповедовали «эгоистическую» стратегию «экономии сил».

Эта позиция вызвала вал усиливавшейся критики внутри США. Лейтмотивом таких настроений было противопоставление героизма и жертвенности русских, символом которого служило «сверхчеловеческое сопротивление» Сталинграда, достигшее апогея во второй половине сентября – середине ноября 1942 г.<sup>8</sup> Критика шла даже от здравомыслящих военных. Так, помощник морского министра в сентябрьском выступлении обрушился на сторонников традиционной политики «американского изоляционизма»: «Не вижу

я духа жертвенности в этих групповых свистоплясках в конгрессе... Мы свистим из кладбища, вместо того чтобы посмотреть фактам в лицо. Мы болтаем о единстве целей, а потом мы запираемся в дровяном сарае с карандашом в руке и высчитываем, кто захватит в свои руки индустрию синтетической резины и будет ли восстановлен после войны англо-голландский резиновый картель... Мы надеемся, что русские побьют немцев, но не проявят слишком большой разумности по вопросу о распространении их неудобных доктрин вне пределов России...

Мы все еще играем воображаемыми мускулами и кричим: “Погодите, вот я поймаю этого гуся, который меня ударил, когда я посмотрел в другую сторону”»<sup>9</sup>.

А вот как писал журналист Майкл Стрейт в статье «Что воспрепятствовало открытию второго фронта в этом году», опубликованной в нью-йоркском журнале “New Republic” в ноябре 1942 г.: «Советская стратегия в 1942 г. заключалась в использовании сразу всех возможных ресурсов в борьбе против немецких армий...

Первый план генеральных штабов Англии и США намечал начало союзного наступления в июне 1943 г. – через месяц после того, как советское сопротивление НАКОНЕЦ рухнет (выделено М. Стрейтом. – *И. Б.*).

В 1942 г. эта точка зрения укрепилась в американском военном руководстве.

В то время как Красная армия утверждает, что критическим годом является 1942 г., а англичане намекали, что, возможно, 1943 г. является критическим, мы действовали на основании, что 1945 г. явится критическим. Для русских, китайцев и англичан... наше отношение означало одно: что мы готовы принести в жертву Россию, Китай и, если необходимо, саму Великобританию, ради того, чтобы обеспечить (так в документе. – *И. Б.*) Америку от угроз победившей Германии...

Наша военная разведка относится с презрением к Англии и Китаю и с ненавистью к России. В отделе снабжения некоторые офицеры говорят, что англичане не способны сражаться, что русские уже разбиты, что китайцы продажны и безнадёжны и что мы сражаемся ради того, чтобы Соединенные Штаты стали сильнейшей державой в мире, которая сумеет диктовать условия мира союзникам или же странам Оси.

Генерал-лейтенант Б. Sommerwell откровенно выступает с этой точки зрения. Он окружил себя единомышленниками в лице генерала Клея, заведующего снабжением, генерала Гросса, заведующего транспортом, полковника Робинсона, заведующего распределением в ведомстве снабжения.

Военные руководители, которые не соглашались с этой группой, не могут выдвинуться в Вашингтоне»<sup>10</sup>.

Ничто не могло заменить личного впечатления от посещения советско-германского фронта, поэтому представители союзников так настойчиво обращались с просьбами к Сталину и Молотову разрешить им поездки на фронт. Однако постоянный персонал военных миссий союзников в СССР, как правило, получал такие разрешения с большим трудом. Как писал помощник военного атташе США в Москве подполковник Ричард Парк в отчете в Комитет начальников штабов от 25 января 1943 г., «в течение одиннадцати месяцев в России он практически не получал информации от Советов в отношении их операций на фронте. Было множество трудностей, с которыми он сталкивался в получении информации о русских операциях. Русские брали его в окрестности фронта и объясняли, что за сражение там идет, но из-за расстояния, погодных условий и т. д., он ничего не мог увидеть»<sup>11</sup>.

Попасть на фронт ему удалось только благодаря визиту генерала Хэрли. Лидеры «большой тройки», в особенности президент Рузвельт, неоднократно посылали в СССР своих личных представителей со специальными «миссиями», чтобы увидеть происходящее на фронте своими глазами. В ноябре 1942 г., в разгар Сталинградского сражения, в Москву прибыл американский генерал Патрик Хэрли, который «будучи динамичной личностью, уговорил Сталина разрешить американцам посетить какой-либо из активных фронтов. Были выбраны районы реки Дон и Кавказа. Эта поездка, которая продолжалась месяц, была удачной. Было получено хорошее общее описание, но многие детали отсутствовали. Русские просто не объясняли свои операции в деталях»<sup>12</sup>.

По описанию Парка, группа американцев «покинула Москву и отправилась в город Серафимович на реке Дон. В городе находился штаб пяти русских армий. Во время пребывания здесь командующий офицер сообщил миссии, что русские знали точно, где находились войска стран «оси» в любое время. Это достигалось в основном путем наблюдений с воздуха. Американская миссия не увидела в этом районе скоплений немцев. Казалось, что все боевые действия ведутся румынской армией и ее сопротивление очень слабое. Их моральный дух был в плохом состоянии, их вооружение было слабым, и они, очевидно, бросили тысячи и тысячи своих лошадей, которые дико бродили по Донскому бассейну. По контрасту, русские солдаты были очень сильны, хорошо экипированы, под блестящим руководством и с высоким моральным настроением.

Генерал Хэрли решил, что миссия Соединенных Штатов обследует с целями наблюдения одну дивизию. Везде, куда бы генерал ни пришел, русские его хорошо принимали. Русским солдатам, то есть рядовым, нравились американцы и не нравились англичане... Русский солдат не имел вообще никакого толку от британцев.

Все армии в этом районе снабжались из Москвы. Коммуникации были не очень хорошие. Главная дорога была абсолютно лишена средств обслуживания, и линии (снабжения. – *И. Б.*) были крайне протяженными. Большие операции снабжались через одну только железнодорожную разгрузочную станцию на линии... В деле доставки оборудования к войскам русские коммуникации во многом зависели от крестьян. Любой человек с телегой, или с лошадью, или с тачкой включался в линию коммуникации.... В этом был ключ к успехам русских в снабжении войск. Немцы осуществляли снабжение воздушным транспортом.

Русские окружили 6-ю немецкую армию между излучинами Дона и Волги, но не могли прервать их (немцев. – *И.Б.*) линии снабжения, поскольку немцы осуществляли снабжение по воздуху». Парк полагал, что «6-я армия могла продержаться еще некоторое время. Во время визита в этот район американская миссия видела много использовавшихся материалов из Соединенных Штатов, особенно грузовиков. Во время путешествия в сектор Дона самолетов и танков США не было видно»<sup>13</sup> (однако эти виды ленд-лизовой техники американцы увидели во время своего последующего посещения советско-германского фронта на Кавказе).

Передвижение американской миссии строго контролировалось советскими органами безопасности. По данным органов НКВД относительно поездки миссии Хэрли в район Сталинграда, которая продолжалась с 28 ноября по 7 декабря, «американцы вели личное наблюдение, встречались и беседовали с советскими солдатами, офицерами и генералами (собирали военную и политическую информацию, которая давала им наглядное представление об обстановке в районе Сталинграда в первые дни контрнаступления Красной армии). Хэрли, посетив центральный участок (около 30 дивизий) северной части кольца окружения немецко-фашистских войск (22 дивизии) в Сталинграде, заключил, что части Красной армии не позволят выйти из окружения в районе Сталинграда германским войскам и их союзникам»<sup>14</sup>.

«Другом» СССР и поклонником русского народа вернулся из поездки в СССР в октябре 1943 г. один из лидеров военной промышленности США, председатель Управления по делам военного производства Дональд Нельсон. Влиятельный представитель биз-

неса и военно-промышленного лобби пропагандировал идеи общности русского и американского народов, достижений русской промышленности и победы Красной армии на многочисленных митингах в США и в средствах массовой информации, помогал организовать военно-экономическую помощь и, более того, стал горячим сторонником продолжения экономического сотрудничества с Советским Союзом после войны.

Свои личные впечатления Д. Нельсон выразил в речи на митинге американо-советской дружбы в Нью-Йорке 8 ноября 1943 г.: «В октябре советское правительство предоставило мне возможность видеть собственными глазами результаты грандиозного усилия, которое напрягает русский народ, чтобы поскорей победоносно завершить войну»<sup>15</sup>. Нельсон имел продолжительные беседы с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым<sup>16</sup>. Однако, обращаясь к простым американцам, он говорил больше о своих неформальных контактах с русскими, к примеру о случае «две недели тому назад... в г. Новосибирске»: «Это было одно из тех сердечных русских собраний, с которыми я познакомился во время своего короткого визита. Один из чинов там – богатырского сложения человек – подошел ко мне, пожал руку и сказал, как он любит американцев. Но этим он не удовлетворился – ему это хотелось выразить действием. Он посмотрел вокруг и схватил большую фарфоровую тарелку, стоявшую на столе. Он сказал: “Когда мы русские любим кого-либо, мы в его честь ломаем тарелку – вот так!” Он поднял свой огромный кулак и обрушил его на тарелку, разбив ее вдребезги.

Подобный славный жест я не мог оставить без ответа. Я сообразил, что тут не время для официальных. Я схватил две тарелки... и ударил кулаком по двум тарелкам. Тарелки разбились, и мой друг и остальные горячо меня обняли. Потом они заметили, что один из осколков поранил мне руку, и обеспокоились. Но я не тужил о порезе, ибо это дало мне возможность сказать, что моя кровь – это символ объединения военных усилий – не много американской крови пролито на русском фронте, где столько было пролито ее для общего дела»<sup>17</sup>.

В статье «Что я видел в России» (журнал «Коллиер» от 29.01.1944) Д. Нельсон писал: «Я проходил мимо огромного часового в коридоре, ведущем в кабинет Сталина, он был недвижим, как камень, его лицо было невыразительным, как маска, с глазами, устремленными в одну точку впереди себя: “Американец, я тебя *люблю*”. Я ответил, как полагалось в этом случае, – “спасибо, взаимно”, но его лицо не выразило никакого понимания. Это были, как мне

потом сказали, единственные английские слова, которые он мог произнести или понять».

Нельсон много рассуждал по поводу известного сюжета об общности русских и американцев: «Неоднократно видел я примеры суровой решимости и высокого духа народа – пионера, подобного американским пионерам, которыми мы так гордимся. Я почувствовал независимость мысли и дерзновенную смелость, скорее присущую Новому свету, чем Старому свету. И я уехал убежденный, что стоит нам познакомиться лучше и преодолеть преграду языка, как нельзя будет найти в мире двух народов, лучше квалифицированных для того, чтобы завоевать обоюдное уважение и восхищение и дружбу, чем русские и американцы»; «никакое качество русского характера не произвело на меня более глубокого впечатления, чем деловая прямота, с которой они подходят к своим практическим проблемам»; «Россия не является конкурентом Америки, но она может превратиться в прекрасный источник коммерческой деятельности для Америки»; «если имеется какое-либо непонимание между народами России и США, то это в значительной мере на нас». Американский представитель делился богатыми личными впечатлениями о русском народе и проводил аналогии между русскими и американцами. В частности, он подчеркивал, что «русские рабочие любят американские машины, стремятся работать по-американски». Он отмечал и своего рода превосходство русских: «Правительство и народ объединены так, как Америка не может мечтать, и русский рабочий воодушевлен значительно большим желанием, чем только победить врага. Они хотят продолжать развитие страны после того, как фашисты будут побеждены»; «Россия хорошо использует в качестве рабочих стариков, молодых женщин и подростков 10–11–12 лет... Дисциплина очень высокая, создается впечатление, что подростки... предпочитали бы посвятить работе 7–8 часов для того, чтобы поддержать их братьев и отцов, которые борются на фронте... Нигде в мире нет такой смычки между армией и рабочими... рабочие, производящие военное снаряжение, рассматривают себя как на передовой линии фронта...»; «в интересах скорости машины не полировались и выходили с грубой отделкой. Когда я упомянул об этом, женщина-работница посмотрела на меня остро и ... твердо сказала: “Полировка не убивает немцев”»<sup>18</sup>.

Об общности русских и американцев писали и американские военные, сотрудничавшие с СССР и посещавшие страну. Так, после длительного опыта совместных военных операций в Европе и пребывания в Москве по приглашению Сталина в августе 1945 г. генерал Д. Эйзенхауэр писал в своих мемуарах о русском народе:

«Русские великодушны. Они любят делать подарки, принимать гостей, и это может подтвердить почти любой американец, которому приходилось работать вместе с ними. По своему великодушию, по своей преданности товарищу, по своему здравому смыслу и прямому взгляду на дела повседневной жизни обыкновенный русский, как мне кажется, очень похож на так называемого среднего американца»<sup>19</sup>.

Вопросы частной жизни также обсуждались в дискуссиях между советским руководством и представителями союзников. В частности, состояние здоровья самих участников дипломатических приемов и других их общих знакомых постоянно затрагивалось в этих беседах, что объяснялось не только соображениями этикета, но и чисто человеческим любопытством, сочувствием и другими эмоциями. К примеру, во время встречи И.В. Сталина с британским послом А. Керром и послом США А. Гарриманом 23 сентября 1944 г. последний заявил о том, что «президент (Ф. Рузвельт. – И. Б.) просил генерала Хэрли переговорить также с маршалом Сталиным о том, что маршал Сталин думает по поводу возможности встречи с президентом и Черчиллем в какое-нибудь время в ноябре, т. к. это время года исключает встречу на Аляске, президент предлагает район Средиземного моря.

Т. Сталин отвечает, что встреча желательна, но дело в том, что за последнее время он, т. Сталин, стал все чаще и чаще болеть. Недавно, вернувшись из поездки на фронт, он заболел. Раньше у него, т. Сталина, грипп продолжался один-два дня, а теперь он длится полторы-две недели. Возраст сказывается.

Гарриман заявляет, что он об этом очень сожалеет, и он уверен, что президент также будет об этом сожалеть...

Гарриман говорит, что, может быть, все-таки климат Средиземного моря будет полезным для маршала Сталина.

Т. Сталин отвечает, что вообще ему трудно переносить большие поездки. Например, когда он, т. Сталин, летел на высоте 4 тыс. метров из Ирана, у него в течение двух недель болели уши.

Т. Молотов говорит, что т. Сталину нужно беречь свое здоровье. Таково мнение всех коллег т. Сталина.

Т. Сталин говорит, что его вполне может заменить Молотов, который является его первым заместителем»<sup>20</sup>.

Обсуждению личных проблем, обмену подарками обычно отводилась заключительная часть беседы (при этом не исключено, что эти вопросы затрагивались и в ходе бесед, что не всегда фиксировалось официальными протоколами). В качестве характерного примера можно привести выдержки из записи беседы И.В. Сталина с американским послом Б. Стэндли и английским поверенным в де-

лах Баггалеом 26 января 1943 г. «Сталин спрашивает, как выглядит президент и как его здоровье.

Стэндли отвечает, что он виделся с президентом и на нем не видно следов напряжения.

Т. Сталин спрашивает, как здоровье Гопкинса (личный представитель президента США, 30–31 июня 1941 г. вел в Москве переговоры со Сталиным и Молотовым об американских поставках СССР. – И. Б.). Полгода назад его считали обреченным.

Стэндли отвечает, что он виделся с Гопкинсом, беседовал с ним. Гопкинс выглядит хорошо. Он недавно женился. Он, Стэндли, видел также Гарримана. Как Гопкинс, так и Гарриман шлют И.В. Сталину свой привет.

Т. Сталин благодарит.

[В заключение беседы] Стэндли говорит, что он хотел бы передать т. Сталину в качестве подарка от американских друзей зажигалку, сделанную в одной из авиационных мастерских в Эритрее из алюминия, который идет на изготовление пропеллеров.

Т. Сталин принимает зажигалку и благодарит Стэндли.

Затем Стэндли говорит, что от американских друзей И.В. Сталина в США он привез в подарок И.В. Сталину табак. Он пошлет этот табак И.В. Сталину через В.М. Молотова.

Т. Сталин спрашивает, действительно ли у него, И.В. Сталина, так много друзей в Америке.

Стэндли отвечает, что И.В. Сталин имеет в Америке много почитателей»<sup>21</sup>.

Знаком уважения со стороны советского вождя к «седидам» Стэндли – довольно пожилого человека – явилось особое разрешение на прилет из США в Москву самолета Стэндли (как сообщил американский посол Молотову, это была гражданская двухмоторная машина типа «Дуглас») – первого самолета, который прилетел через Аляску в Москву под управлением американских летчиков (это случилось в июле 1943 г.). В беседе с Молотовым от 23 июля Стэндли поблагодарил советские власти за содействие, оказанное новому советнику посольства США Гамильтону, который прилетел в Москву на самолете посла. Стэндли сообщил, что он «уже был на аэродроме и осматривал свой самолет, который ему очень понравился. Самолет прекрасно оборудован и имеет все удобства. Если бы Молотов когда-либо захотел совершить небольшую прогулку, он, Стэндли, был бы очень рад предоставить ему свой самолет. Во всяком случае, Стэндли хотел бы, чтобы Молотов, когда найдет время, осмотрел его самолет. Молотов отвечает, что он с удовольствием осмотрит самолет Стэндли, когда будет иметь время»<sup>22</sup>.

Дипломатические представители США и Великобритании наиболее тесно и непосредственно общались с В. Молотовым, А. Вышинским, В. Павловым (переводчиком, представителем Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР). Личные отношения сложились у них и с И.В. Сталиным: регулярно шел обмен подарками, послы хорошо знали привычки советского вождя. Одним из любимых видов подарков были кинофильмы (в частности, посол США Стэндли передал Сталину кинокартину «Диктатор» с участием Ч. Чаплина, сотрудник американского посольства Янг привозил в СССР фильмы американского производства, прежде всего для «развлечения» самих представителей США, подолгу оторванных от родины и жаждавших посмотреть что-либо на английском языке).

Вместе с тем отношения военных и дипломатических представителей союзников с советской стороной были далеки от идиллии. Несмотря на тесные личные контакты между лидерами, достичь согласия во многих вопросах было непросто. Одна из коллизий, свидетельствовавших о реальной мере доверия между союзниками, возникла в связи с полетами американских самолетов над советской территорией. С октября 1942 г. начала функционировать трасса «Аляска – Сибирь» (АлСиб), по которой американские самолеты, поставлявшиеся по ленд-лизу, перегонялись в СССР.

Президент США Ф. Рузвельт предлагал И.В. Сталину, чтобы американские самолеты пилотировались американскими летчиками до озера Байкал. Сталин в ответ довольно ехидно отметил: «Должно быть, президент полагает, что мы не в состоянии выделить своих летчиков для этой цели?» Он предложил, чтобы русские летчики принимали американские самолеты в Номе и оттуда пилотировали их в СССР, мотивируя это тем, что «советским летчикам легче это сделать, так как они хорошо знают трассу и условия полета по этой трассе». Руководство СССР явно стремилось предотвратить полеты американцев над своей территорией (однако Сталин согласился, что американские пилоты могли «сопровождать» советских летчиков в полетах)<sup>23</sup>. Была укреплена инфраструктура сибирских аэродромов Красноярской воздушной трассы (Уэлькаль, Сеймчан, Якутск и Киренск). С октября 1942 до начала 1943 г. по АлСибу в среднем отправляли 132 самолета в месяц (все-го было отправлено 1185 самолетов)<sup>24</sup>.

Широкая сеть контактов между русскими и американцами была создана и на территории США. Вскоре после нападения Германии на СССР в Вашингтон прибыла советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом, будущим маршалом Советского Союза Ф. Голиковым, перед войной начальником Главного раз-

ведывательного управления. Делегация вместе с послом СССР в США К. Уманским, исполнявшим роль переводчика, посетила генерала Д. Маршалла и других официальных лиц США. Был создан межправительственный комитет по оказанию помощи России, в который вошли Г. Гопкинс и К. Уманский.

С октября 1941 г. ленд-лизовский акт был распространен на СССР. С ноября 1941 г. ленд-лизовскими операциями занимался АМТОРГ. Правительственная закупочная комиссия СССР в США была создана на основании постановления Совета народных комиссаров (СНК) в марте 1942 г. На ПЗК были возложены следующие задачи: «закупка и размещение заказов на оборудование и материалы, необходимые для различных объединений, наркоматов и заключение контрактов с правительственными организациями и агентствами США в связи с коммерческими, транспортными, финансовыми и другими вопросами, а также выполнение обязательств от имени правительства СССР по ленд-лизовскому снабжению, займам и кредитам, предоставляемым правительству Советского Союза правительством США»<sup>25</sup>.

На 1 мая 1942 г. ПЗК состояла из руководящего аппарата в Вашингтоне, отделений в Балтиморе, Нью-Йорке, Филадельфии, Сан-Франциско. В сентябре 1942 г. было создано отделение в г. Фэрбенксе на Аляске. В связи с ростом ленд-лизовских отправок с Западного побережья США с 1 ноября того же года открылось отделение в г. Портленде, в то время как на Восточном берегу отделения в Бостоне и Балтиморе были закрыты. На 1 января 1943 г. был сформирован специальный аппарат уполномоченного комиссии по Западному побережью в составе отделений в Сиэтле, Такоме, Олимпии, Сан-Франциско, Портленде<sup>26</sup>.

В числе важных партнеров с американской стороны следует выделить руководителей Администрации ленд-лиза (администраторы ленд-лиза Э. Стеттиниус, Д. Варнеке, заместитель администратора Дж. Хазард), Управления по делам военного производства (Д. Нельсон, председатель; У. Батт, заместитель председателя, вице-президент Военно-промышленной комиссии), Комитета по распределению военных материалов (управляющий, генерал-майор Дж. Бернс), Военного министерства США (министр Г. Стимсон), видов Вооруженных сил США. В особо важных случаях в дело вмешивались личный представитель президента Рузвельта по всем ленд-лизовским операциям Гарри Гопкинс и сам президент. К примеру, как докладывал на заседании 30 октября 1942 г. член ПЗК т. Степанов, поставки медикаментов на советско-германский фронт стали налаживаться только после вмешательства «сверху»:

«По-видимому, меморандум, написанный тов. Литвиновым Гопкинсу, подействовал. Правда, американцы говорят так, что если мы Вам обещаем дать товары, то мы должны обязательно выполнить свое обещание, а если мы не выполним, то согласно указания Рузвельта, нас повесят»<sup>27</sup>.

Первым руководителем Администрации ленд-лиза был Эдвард Р. Стеттиниус, впоследствии ставший государственным секретарем США (с 12.01.1944 по 06.07.1945). Еще в годы войны вышла в свет знаменитая книга Э. Стеттиниуса «Ленд-лиз – оружие победы», где он характеризовал трудности налаживания советско-американского сотрудничества следующим образом: «В 1942 г. русские и мы только учились работать вместе, как союзники. И было бы глупо делать вид, что наши отношения с Россией с самого начала были столь же дружественными и откровенными, как с Англией и Китаем. Мы не просили у русских подробной информации об их армии или о положении внутри страны, чего мы всегда ожидали от других стран, получавших помощь по ленд-лизу. Да и трудно было бы получить подобную информацию, помня наше взаимное недоверие в предыдущие годы... Теперь мы видим, как тесно связаны наши национальные интересы... Чем больше мы работаем вместе, тем больше понимаем друг друга...»<sup>28</sup>.

Налаживанию взаимодействия в ранний период во многом препятствовала позиция военных США, что неоднократно отмечали сотрудники ПЗК. Можно привести типичную цитату из беседы одного из них – К.И. Лукашева – с представителем советской секции Военно-промышленного комитета М. Шнейдером 2 апреля 1943 г.: «Со стороны Армии и Флота огромный нажим в отношении выполнения их программы, никто в Комитете военного производства не решается давать преимущества нашим заказам»<sup>29</sup>.

Многие американские военные стояли на эгоистических позициях, стремились преувеличить роль США в войне. К примеру, в своем докладе в ПЗК о ходе поставок нефтепродуктов и медикаментов 4 ноября 1942 г. сотрудник Комиссии т. Степанов ссылаясь на услышанный им спор между американскими военными: «Когда Берд в своем выступлении сказал, что Красная армия при таком масштабе боев несет большие потери, поэтому медикаменты нужны Советскому Союзу очень срочно, – полковник Пинк в реплике заявил, что наши бои на Соломоновых островах гораздо больше, чем под Сталинградом, а поэтому мы должны в первую очередь позаботиться о своей армии»<sup>30</sup>.

В начальный период сотрудничества, оказавшись в США, сотрудники ПЗК зачастую испытывали своего рода «культурный

шок» из-за существенных различий в менталитете, образе жизни и представлениях советских людей и американцев. Поэтому документы демонстрируют даже большее напряжение и непонимание друг друга при взаимодействии на территории США, чем на территории СССР. Ситуация усугублялась из-за незнания многими сотрудниками ПЗК английского языка.

Создание ПЗК помогло дальнейшему налаживанию повседневного практического сотрудничества между русскими и американцами. Первый председатель ПЗК генерал А.И. Беляев неоднократно пытался увещевать своих сотрудников, склонить их к поиску компромиссных решений с учетом интересов противоположной стороны. К примеру, на заседании Комиссии от 8 августа 1942 г. обсуждался вопрос о передаче функций фирмы «Мур Маккормик», которая от лица американского правительства занималась поставкой грузов для СССР в американские порты и обработкой связанных с этим документов, советской организации. Деятельность американской фирмы критиковали почти все выступавшие на заседании работники ПЗК. Генерал Беляев выразился осторожно: «Наше правительство заинтересовано в скорейшем получении грузов... В условиях Америки мы не можем избавиться от профашистских элементов, ибо своих людей со знанием языка у нас не хватает. Следовательно, мы все равно будем окружены американцами. Важно учесть взгляды на это американцев...»<sup>31</sup>. В результате, несмотря на то что ПЗК приняла решение «взять на себя функции фирмы “Мур Маккормик”, итоговая резолюция на документе гласила: «Вопрос отпадает, т. к. Ампра (американское правительство. – И. Б.) не согласна»<sup>32</sup>.

Постепенному улучшению взаимоотношений, как правило, способствовали контакты – полуофициальные, неофициальные, дружеские (завтраки, обеды, ужины и т. д.). Документы ПЗК содержат немало ярких примеров такого рода. В качестве типичной по тону, характеру, кругу обсуждавшихся вопросов можно процитировать беседу председателя ПЗК генерала А.И. Беляева с одним из главных военачальников США, командующим ВВС генералом Г. Арнольдом от 8 апреля 1943 г. Согласно записи беседы, советский представитель был приглашен Арнольдом на обед, который «состоялся в офицерском клубе на военном аэродроме г. Вашингтона». «Кроме меня, – сообщает Беляев, – на обеде присутствовали: заместитель министра авиации Англии Криббет, английский генерал... Фостер и два американских генерала, фамилии которых я не знаю. Обед проходил в неофициальной обстановке, а поэтому разговор носил самый общий характер. Политические темы не затрагивались вовсе». В ходе беседы «генерал Арнольд сказал, что

ему известно о поездке на фронт Советского Союза группы инженеров-самолетостроителей фирмы “Белл Компани”. “Верно ли это?” – спросил генерал Арнольд, и когда я подтвердил, что это... так, генерал Арнольд спросил разрешения включить в число этой группы инженеров одного инженера ВВС, на что я попросил сообщить фамилию этого инженера и обещал запросить согласия моего Правительства».

«В конце обеда генерал Арнольд предложил мне участвовать вместе с ним в его очередной инспекционной поездке по авиационным частям на территории США, которая займет не больше 2–3 дней, на что я поблагодарил генерала и дал свое согласие»<sup>33</sup>.

Типичные темы неформальных бесед председатель ПЗК назвал во время встречи на ужине в отеле «Статлер» в компании заместителя начальника снабжения Армии США генерала Клея и начальника штаба ВВС генерала Стратемейера: «Беседа носила общий характер, в частности о моей поездке на Западный берег, о моих впечатлениях о стране, о последних событиях на фронтах, об охоте и т. п.»<sup>34</sup>.

Генерал А.И. Беляев так передает содержание своей беседы с офицером для особых поручений при военном министре США Риккенбакером: «...военный министр хотел бы, чтобы Риккенбакер получил возможность полета из Китая в СССР с целью лично посмотреть и выяснить, как ведут себя американские самолеты в Союзе в условиях боевых действий и в чем эти самолеты нуждаются...

Я ответил... что срочно пошлю доклад моему Правительству и информирую Риккенбакера о результатах».

В заключительной части беседы Беляев «просил капитана рассказать о его трагическом путешествии в течение 23 суток на резиновой лодке в южной части Тихого океана, что капитан охотно сделал»<sup>35</sup>.

Многие практические вопросы решались на местах в неофициальном порядке. Приведем выдержки из протокола заседания ПЗК от 5 марта 1943 г., где слушался доклад тов. Пискунова о состоянии заказов по авиационному отделу: «Майор Собин, которого направил в Мемфис для ускорения отправки самолетов для СССР, заметил: “Пришло 25 самолетов, которые после дождя обмерзли”. Он просил американцев отправить самолеты, а они отвечают: “Пусть растает лед”. Для того чтобы счистить лед, необходимо иметь специальные приспособления. В течение трех дней шли разговоры. В результате чего т. Собин пригласил американцев к себе на обед, на следующий же день самолеты были отправлены».

Вывод докладчика гласил: «Как видите, насколько важно личное присутствие нашего представителя, личное обращение к американским офицерам»<sup>36</sup>.

В целом личные контакты стали в годы войны уникальным «мостом дружбы» между странами «Большой тройки», установление которого, хотя бы и временно, способствовало налаживанию экономического и боевого сотрудничества для достижения общей Победы.

---

Примечания

<sup>1</sup> Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп 1. Д. 7995. Л. 82.

<sup>2</sup> Там же. Л. 80.

<sup>3</sup> Там же. Л. 4.

<sup>4</sup> Уилки, Уэнделл (1892–1944), американский юрист, кандидат от Республиканской партии на президентских выборах 1940 г. Выборы выиграл Ф.Д. Рузвельт, однако в годы войны президент США использовал Уилки в качестве неформального посланника, который облетел мир на бывшем бомбардировщике «Гул-ливер». В своем бестселлере «One World» описал встречи с руководителями, солдатами и рядовыми гражданами стран-союзниц во время поездки в СССР и Китай в сентябре 1942 г. В публичных выступлениях пропагандировал идею второго фронта и усиления помощи СССР. Проводимый им либеральный курс лишил его поддержки республиканцев. Скончался от сердечного приступа в 1944 г.

<sup>5</sup> Цит. по: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 76.

<sup>6</sup> Там же. С. 82.

<sup>7</sup> РГАЭ. Ф. 413. Оп 12. Д. 7995. Л. 71.

<sup>8</sup> Подробнее о героической обороне Сталинграда см.: *Куманев Г.А.* Сталинградская битва (Краткий военно-исторический очерк, документы, материалы). М., 2007. С. 41–83.

<sup>9</sup> Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 413. Оп 1. Д. 7995. Л. 73.

<sup>10</sup> Там же. Л. 75–76.

<sup>11</sup> Remarks by Lt. Col. Richard Park, Jr., U.S.A., American Military Attaché in Russia, 25 January, 1943 // National Archives. College Park. R.G. 218. Geographic file, 1942–1945. Box 212.

<sup>12</sup> Ibid.

<sup>13</sup> Ibid.

- <sup>14</sup> Христофоров В.С. «Сталинград яркой звездой будет сиять на страницах истории...» // Родина. 2013. № 1. С. 29.
- <sup>15</sup> РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 7995. Л. 13.
- <sup>16</sup> Подробнее см.: Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945 гг.). М.: РОССПЭН, 2011. С. 18–20.
- <sup>17</sup> РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 7995. Л. 13.
- <sup>18</sup> Там же. Л. 79–81.
- <sup>19</sup> Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / Сост. Е. Трояновская. М., 1990. С. 527.
- <sup>20</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 377. Л. 61.
- <sup>21</sup> Там же. Д. 379. Л. 37–38.
- <sup>22</sup> Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 5. Пор. 334. Папка 29. Л. 36–37.
- <sup>23</sup> Там же. Оп. 4. Д. 236. Папка 22. Л. 23–24.
- <sup>24</sup> Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои: 1941–1945 гг. М., 1997. С. 155.
- <sup>25</sup> РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6211. Л. 2.
- <sup>26</sup> Там же. Л. 2а.
- <sup>27</sup> Там же. Д. 5967. Л. 160.
- <sup>28</sup> О загадках ленд-лиза см.: Стеттиниус Э. Ленд-лиз – оружие победы. М., 2000. С. 201.
- <sup>29</sup> РГАЭ. Ф. 413. Оп. 12. Д. 6802. Л. 67.
- <sup>30</sup> Там же. Л. 82.
- <sup>31</sup> Там же. Д. 5966. Л. 182.
- <sup>32</sup> Там же. Л. 155.
- <sup>33</sup> Там же. Д. 6730. Л. 36–35 (в деле обратная нумерация страниц).
- <sup>34</sup> Там же. Л. 24.
- <sup>35</sup> Там же. Л. 34.
- <sup>36</sup> Там же. Д. 6796. Л. 245.